

ВОЛШЕБНАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ СЕБЯ

К.БОГОСЛОВСКАЯ

*«Первична сказка, а жизнь ее может либо ухудшить, либо
улучшить»*

Михаил Анчаров

Сказки, притчи, метафоры, волшебные истории испокон века использовались в психотерапии, однако тема этой статьи – не только и не столько использование сказки. В основе текста – волшебная история как средство внутренней работы с самим собой и соотношение этой работы с собственно психотерапевтической.

Несмотря на развитие гуманистических принципов в психотерапии, согласно которым пациент уже не рассматривается как человек больной, психотерапия в целом все-таки остается средством излечения. В любых своих ипостасях она предполагает признание пациентом неспособности собственными силами справиться с одолевающими его внутренними проблемами, а значит – и наличие психотерапевта, посредника внутренних изменений. Для решения определенного круга психотерапевтических задач такой подход не только вполне обоснован, но и необходим.

Однако если посмотреть на реальных людей, приходящих в область психотерапии в России, обоснованность данного взгляда становится менее очевидной. Для тех, кто следит за процессами развития психотерапии в нашей стране, не секрет, что доля «клиентских» программ в последние годы существенно уступает доле «обучающих». То есть реально в России к психотерапии большей частью обращаются (т.е. готовы за нее платить) не те, кто стремится получить профессиональную психологическую помощь, а те, кто ищет чего-то другого. Чего же? Развернутый ответ на этот вопрос потянул бы на серьезное научное исследование. Если же на

него ответить лаконично, то можно утверждать, что к терапии у нас обращаются, главным образом, в поисках нового понимания Себя и Жизни (при этом даже мотив собственной профессионализации также нередко является вторичным по отношению к вышеуказанному).

РАБОТА С СОБОЙ. СКАЗКА КАК САМОЦЕННОСТЬ

Очевидно, что новое понимание себя и жизни (допустимо рассматривать эту задачу, например, как процесс индивидуации, по Юнгу) можно обрести и без помощи психотерапевта, а обратившись к другим областям трансформирующей личность деятельности – к духовной практике, к искусству и, в частности, к волшебным историям, которые «предлагают нам помощь Фантазии, Восстановления, Побега, Утешения – поддержку, в которой дети, как правило, нуждаются меньше, чем взрослые» (Толкин, 1991).

Не случайно здесь приводятся цитаты из работ не психологов и психотерапевтов, а литераторов – Дж.Р.Р.Толкина и М.Анчарова, ибо в приведенных высказываниях волшебные истории рассматриваются, хотя и в связи с личностью, но в качестве не **средства**, помогающего достигнуть психотерапевтического эффекта (в отличие от многочисленных психотерапевтических работ на эту тему), а **самоценности**. Соблюдая жанр психологической статьи, я все же попробую проинтерпретировать слова Анчарова с позиций юнгианского подхода. Первичность сказки может быть понята как первичность архетипических влияний или течений, незримо определяющих и организующих жизнь. Что касается самой жизни, то она может знать о них и путешествовать по этим нитям, открывая их для себя и в этом смысле улучшая сказку, а может протекать, не обращая на эти нити и течения никакого внимания, не замечая их существования.

В этом смысле процесс создания собственной сказки можно рассматривать как путешествие по своему личному внутреннему миру, по собственной волшебной стране. А по *своей* волшебной стране человек в состоянии путешествовать самостоятельно. И этот процесс является самоценным.

Пожалуй, именно *Волшебная История* – а не сказка, не метафора – кажется мне понятием, наиболее точно отвечающим на вопрос, что создает человек, когда он творит, следуя внутренним потокам образов. Понятия «сказка», «притча» культурно нагружены, их семантическое значение, как правило, включает определенный набор персонажей, развитие сюжета подчиняется строгим схемам, сдерживающим спонтанный поток образов и направляющим его по определенному руслу. Понятия «метафора» и «образ», которые часто используются в психологической литературе, далеко не всегда включают в себя аспект действия. Что касается жанра *истории*, то последняя допускает понятия любого содержания, и семантически предполагает оттенок *действия*, а слово

«волшебная» постулирует, что разрешено нарушать законы логики и разговор можно вести на языке чудес, мифов, уникальных образов, которые традиционно считаются языком подсознания. И в этом смысле написанную волшебную историю можно считать картой, отображающей тот или иной участок внутренней страны, а происходящие в этой стране события – отражением работы души. При этом рождение волшебной истории в контексте этой внутренней работы следует считать скорее не «сочинением», а воссозданием, претворением душевной работы – в слово.

Написание волшебной истории – это акт такой внутренней работы, которая позволяет автору заглянуть в те уголки своей души, где он еще не бывал. При этом, среди прочих вербальных методов, позволяющих оперировать внутренними содержаниями, создание волшебной истории – чуть ли не единственный способ, наиболее подходящий именно для самостоятельной работы, за счет наличия «твердого носителя» – текста. Кроме того, данный метод обладает целым рядом других достоинств:

1. Это чуть ли не единственный инструмент, позволяющий найти словесную форму для часто не ясных и весьма расплывчатых внутренних образов. Возможно, это также и новый шаг в создании личного языка – языка, позволяющего достаточно точно говорить о себе. В принципе, форму образам способны дать любые виды художественного самовыражения: такую роль может играть не только волшебная история, но и рисунок, движение, лепка. Особенность волшебной истории состоит в том, что она позволяет создать личный язык для описания этих образов.

2. Волшебная история имеет динамику. В конце ее остается «карта» пройденного пути в виде новоявленного текста, позволяющая понять и осознать – что же все-таки произошло.

3. Большинство форм работы с собой, практикуемых в психотерапии, необходимо включают вербальную компоненту. Поэтому если у автора был опыт подобной работы, то пройденные в процессе ее части внутреннего пути также прекрасно укладываются в волшебную историю, обогащая ее новыми действующими лицами, значимыми диалогами и содержаниями. Кроме внутреннего результата, каждый способ работы с собой имеет свойство становиться навыком и формой поведения. Нельзя не согласиться с тем, что, «когда люди проходят через терапию или какой-либо другой повторяющийся опыт, они научаются... шаблону и последовательности всего, что там делается, больше, чем содержанию» (Бэндлер, 1992). Заметим, что навык претворения пережитого опыта в слово и создание на этой основе текста – не только культурно принятая форма деятельности, но и вообще полезный навык (в отличие, например, от «метамоделирования» или разделения себя на субличности).

4. Написание волшебной истории не может происходить иначе, чем в режиме проживания; а это значит, что пишущий, как правило, получает живой доступ к культуре как сокровищнице архетипических образов, и обретает возможность соотнести личные пути и способы решения

проблем с теми способами их решения, которые припасены в истории культуры. На языке Якоба Морено этот процесс можно назвать «расконсервированием культурных консервов», накопленных в опытах жизни.

ЭТАПЫ ПУТИ

Простейший путь работы с собой посредством написания волшебной истории соответствует классическому «Путешествию Героя» (Герой в поисках Сокровища – см., например, *Соколов, 1997*). Однако возможна масса и других путей к созданию волшебной истории:

– Героем волшебной истории может быть не сам пишущий, а близкий ему человек, или даже нечто такое, что является для него особо важным в момент создания истории – от ситуации в семье до захватившего воображение литературного персонажа.

– Возможна сказка, в которых действуют вечные категории – Любовь, Добро, Ненависть, при этом, сказка может начинаться с конкретной ситуации (см. Приложение).

– Волшебная история не обязательно должна завершаться счастливо – возможно, какой-нибудь элемент сказки, придающий ей ценностный смысл, окажется важнее счастливого конца и т.д.

Целью такого рода работы не является создание некоего художественного произведения. Кроме эстетики словесного ряда, существует чувство *эстетики сюжета* – вот оно и может служить путеводной нитью в прохождении трудных участков волшебной истории: правильная дорога всегда красива.

Вот некоторые элементы простейшего пути, ведущего к созданию волшебной истории про себя, и небольшой комментарий, подсказывающий будущему автору, как избежать некоторых коварных препятствий, подстерегающих его на этом пути.

1. «Кто я?»

Сядьте удобно, положите перед собой лист бумаги и ручку. Сделайте так, чтобы рядом с Вами не было никаких отвлекающих предметов, – ум наш лукав, и Вам обязательно захочется выпить чая, заглянуть в книжку, включить на время телевизор и т.д. Откиньтесь на спинку стула. Расслабьтесь, и попытайтесь представить тот персонаж, с которым Вы сами у себя ассоциируетесь – «здесь и сейчас».

Обычно метафоры такого типа все время присутствуют в нашем сознании, а порой и в обыденной речи, поэтому не думайте долго, воспользуйтесь самым первым из того, что придет в голову. Это может оказаться Старая рабочая лошадь, или Заколдованная принцесса, или Властелин мира. Персонаж не обязательно должен быть одушевленным – им может оказаться Тонкая березка, Дорогое украшение или Машина, способная что-либо производить. Главное, чтобы в этом персонаже вы узнавали себя – таким, каким воспринимаете себя в момент рождения

истории.

Это может быть образ, отражающий то, как вы обычно ведете себя в жизни, или персонаж-состояние (например, Река-тоска, а, может быть, маленький теплый зверек, которого зовут Ожидание). Возможно, кому-то больше придется по душе мировоззренческий персонаж – воплощение какой-то идеи, внутренние «отношения» с которой неясны (например, причудливый образ человека, одной рукой зацепившегося за край пропасти, а другой – пригоршней таскающего из горшка сладкий мед).

2. «Где я?»

Представьте себе мир, в котором живет этот персонаж – какой он, кем он населен. Не задерживайтесь на деталях, пропишите это несколькими фразами – только самое важное для Вас в этом мире. Если хотите, представьте себе историю вашего персонажа – откуда он взялся, как появились в мире такие существа, как он.

Очевидно, что этот мир может быть населен и другими персонажами. Те, кто работает с концепциями субличностей, могут таким образом проследить очередной раунд отношений субличностей между собой. Конечно же, в истории не обязателен один Главный герой – в волшебной истории, какая пишется вами, героев может быть несколько.

3. «Что я делаю?»

В чем завязка сюжета? В какой ситуации находится сейчас Ваш герой? Что его волнует? Чему он печалится, от чего радуется?

Если у Вас есть конкретные проблемы – введите одну из них в сказку (например, Лошади трудно ходить, потому что она стара и больна, а если остановится, то ее отправят на живодерню). Не берите самую сложную проблему из тех, которые вам приходилось переживать в жизни; возьмите простую, но проблемную область. Важно точно сформулировать проблему. Скажем, если главный персонаж – Птица, то предпочтительнее, чтобы это была не просто Грустная птица, которой не хватает в жизни «чего-то», а Птица, которая вывела и вырастила птенцов, а теперь страдает от одиночества, или Птица, которой в драке оторвали хвост, и она уже не выглядит такой красивой, как прежде.

4. «Чего я хочу?»

К чему стремится ваш Герой? Что он делает ради того, чтобы достичь желаемого?

Данный этап представляет собой создание образа вашего Сокровища (в качестве примера можно вспомнить золотой шар из «Пикника на обочине» братьев Стругацких). Сокровищу не обязательно быть предметом: Ручеек может хотеть влиться в Реку; Прекрасная Дама – найти Прекрасного Принца.

5. «Что этому препятствует?»

Что (или кто) препятствует достижению Героем желаемого?

6. «Как этого достичь?»

Как ваш Герой может достичь желаемого? Вы как сказочник – можете ли помочь своему герою? Какое волшебное средство ему необходимо? Как именно происходит сам процесс достижения желаемого?

При выборе Волшебного Средства необходимо помнить про закон реальности волшебства: те волшебные предметы, люди и действия, которые находят место в сказке, должны быть внутренне оправданны, – вам необходимо ощущать их реальность. Ситуация, когда рядом с Птицей, которой в драке оторвали хвост, внезапно появился Волшебник, взмахнувший волшебной палочкой, в результате чего хвост снова вырос, – во внутреннем смысле ничего вам не дает. Вместо этого упрощенного решения можно прописать целый веер вариантов, ведущих к достижению цели (например, если рассмотреть проблему, с точки зрения разных персонажей) (см. Приложение).

Реализацию первых пяти описанных выше этапов можно назвать разворачиванием смысловой, мировоззренческой «карты» человека. Может показаться, что почти все эти этапы отражают только существующее положение вещей, а переход из прошлого в будущее начинается в лучшем случае при переходе от пятого к шестому этапу. Однако это не так: данный процесс начинается с самого первого этапа разворачивания «карты». Переход к шестому этапу представляет определенную ступеньку на пройденном пути, и преодолеть эту ступеньку может помочь ряд достаточно известных приемов:

1. Отстранение.

Отвлекитесь на другие дела, не задумываясь о том, что будет дальше. После этого вернитесь к истории и постарайтесь взглянуть на нее взглядом постороннего человека.

2. Коммуникация и обсуждение.

Покажите историю близкому человеку и обсудите ее с ним. Попросите близкого человека дописать конец.

3. Обращение к основаниям.

«Отойдите» от конкретной ситуации Героя и внимательно рассмотрите ситуацию вокруг него: исследуйте, откуда взялась эта ситуация (возвращаясь к одному из примеров: почему Больной лошади трудно ходить, как она заболела, кто ведет ее на живодерню, почему она соглашается туда идти?)

4. «Возгонка».

Возможна «возгонка» ситуации к проблемам: более высокого уровня (в предыдущем примере – ответы на вопрос: а что такое «живодерня» или что такое «старость»?) На этих уровнях можно подобрать много принятых в культуре способов решения. Они, безусловно, были известны вам и ранее, но применение этих способов в контексте конкретного образа

переводит их из разряда абстрактных представлений и знаний в область конкретных действий. Допустимо также прямое использование культурально принятых способов решения: их можно почерпнуть из любого доступного источника, каких множество, – из бесед со знакомыми, книг, наконец, из собственной головы.

СКАЗКА И ПСИХОТЕРАПИЯ

Если внутренняя работа происходит успешно – человек может (при наличии определенного навыка) написать актуальную для него, цельную и понятную другим Волшебную Историю. А как же психотерапия? Она необходима как раз тогда, когда волшебная история *не пишется*. Что-то внутри человека препятствует ее созданию, какие-то части собственного опыта оказались для него недоступны, пути к ним перекрыты, и к какому-то Сокровищу нет доступа. Ненаписанная или недописанная Волшебная История – свидетельство того, что человеку требуется помощь в путешествии по внутреннему миру.

Как правило, для восстановления доступа к внутреннему миру человека требуется уже не только и не столько работа с Волшебной Историей (которая все же происходит преимущественно в вербальной модальности), а обращение к другим модальностям и каналам получения опыта. Эта психотерапевтическая работа, собственно, и разворачивается на материале всякого рода сказок. В рамках конкретной встречи психотерапевта и клиента, как правило, используется не весь процесс создания сказки, а какая-то его часть – создание образа себя; использование идентификации с культурными образами и т.д., или сказка рассказывается клиенту самим психотерапевтом. После этого полученный материал обрабатывается другими методами, принятыми в том или ином психотерапевтическом направлении, поскольку возникает необходимость постоянной связи символического содержания сказки с событиями реальной жизни клиента.

Между тем, возможен подход, основанный на *первичности сказки*; подход, при котором именно сама Волшебная История, создаваемая клиентом, хотя и с помощью психотерапевта, становится костяком психотерапевтической работы, общей рамкой, к которой привязываются другие техники психотерапии. Процесс начинается с завязки волшебной истории – с определения действующего персонажа, специфики его ситуации – и продолжается далее вплоть до создания удовлетворяющей клиента развязки. Когда процесс создания Волшебной Истории теряет для клиента актуальность или застопоривается, происходят «выходы» из сказки в другие формы психотерапевтической работы. Эти «выходы» возможны на любом этапе создания истории; после проработки определенной части опыта производится «возврат» в сказку.

Представляется, что для таких «выходов» из сказки может быть продуктивен опыт, наработанный в рамках различных направлений

неврачебной гуманитарной психотерапии, получивших развитие в России.

Если у клиента возникают проблемы на этапе создания образа себя и своей конкретной ситуации, уместным представляется использование базовых техник гештальт-подхода: принципа «здесь и сейчас», фигуры-фона, восстановления контакта с реальностью. Когда «выход» происходит на этапе воссоздания мира героя и круга действующих лиц, могут быть использованы концепция субличностей, а также ролевая игра и методы психодрамы. Если Герой не знает, что такое его Сокровище и что мешает его достижению, – и в этом случае применимы гештальт-подход или развитые в НЛП техники работы с метамоделью. На этапе разворачивания в сказке действия уместной становится любая групповая работа, т.к. она может помочь расширить репертуар возможностей, которыми может воспользоваться Герой, чтобы чувствовать себя увереннее на пути преодоления препятствий.

Очевидно, что перечень «уместных» приемов работы в этих случаях – приблизителен и оставляет большой простор для творчества и интуиции. Важно, чтобы Волшебная История стала универсальной картой, позволяющей обеспечить интегрированность и непрерывность процесса психотерапии.

ЛИТЕРАТУРА

- Толкин Дж.Р.Р. «Древо и лист». Прогресс@ Гнозис, М.,1991.
 Бэндлер Р. «Используйте свой мозг для изменения». Новосибирск, 1992.
 Соколов Д. «Сказки и сказкотерапия». НФ «Класс», М., 1997.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ДЕРЕВО ВОЛШЕБНЫХ ИСТОРИЙ»

Эти тексты были созданы несколькими людьми в рамках домашнего семинара «*Незаконченная история*».

Начало:

«Я полный дурак», – думал он, с трудом удерживая равновесие, хватаясь за тонкую ниточку, удерживаемую впереди руками других людей. «Почему я пошел сюда, не зная, что я должен здесь делать? Почему я не подумал об этом заранее, еще до пропасти? Надо быть полным идиотом, чтобы решать – броситься в пропасть или всеми силами стремиться перейти на другую сторону, и где – над пропастью!»

Из пропасти поднимался удушающий туман. Ничего не было видно. Первая мысль, которая мелькнула у него в голове, была о человеческих

руках. «Наверное, стоит дойти, – подумал он, – ведь не зря человеческие руки, а не колышек, удерживают эту веревку. С другой стороны, люди так любят выдавать желаемое за действительное. Эта ниточка может быть искренним обманом, она не позволит мне достичь того, чего я ищу, чего я должен достичь. А в пропасти... – возможно, оно таится, там? Ему больше негде быть. Все остальное я уже обшарил.

Но стоит ли искать, бросаясь головой в пропасть, – ведь я разобьюсь?»

Что было дальше:

Вариант 1

Так он думал, зависнув над пропастью. И вдруг его настигло тихое прозрение: «А что же это я, действительно, стою тут и думаю. Дай-ка я дойду до края, сяду и подумаю над этим в безопасном месте».

И дошел он до края, и поблагодарил людей, и пошел дальше. И довольно далеко от пропасти зашел в теплый дом (он, между прочим, всегда знал, что дом там есть).

В доме он лег и вздохнул. И стало ему спокойно. И жил он так. И забыл обо всем.

И в какой-то момент посмотрел он вокруг, и понял, что все это он уже видел. И вспомнил он тогда о пропасти и подумал: «Может быть, она содержит много невиданного».

И встал он, и сделал шаг за порог, собираясь вернуться к пропасти, – как вдруг вспомнил, что он пришел в этот дом как раз для того, чтобы подумать о том, стоит ли бросаться в пропасть или нет. Тут он сел на завалинку и надолго задумался.

И подошел к нему человек. И сел рядом, и сказал: «Я знаю, о чем ты думаешь. И я знаю, кто может помочь тебе. Здесь есть ведьма, которая даст тебе зелье, и ты увидишь, что находится в пропасти. Но помни, она дорого берет за услуги, расплачиваться придется временем своей жизни. И еще одно помни – тот, кто пришел к ней один раз, обязательно придет снова, так что будь осторожен».

Сказав это, он встал и ушел.

Человек не поверил последнему предупреждению, подумав, что это другие могут придти еще, а он, посмотрев, сразу пойдет к пропасти – или от нее. Времени же своей жизни ему за такое отдать было не жаль: был он молод.

И встал человек с завалинки, нашел ведьму и выпил ее зелья, заплатив куском своей жизни.

И не увидел в пропасти ничего, чего бы он ни знал, и чего искал.

И через некоторое время пришел он к ведьме опять – потому что не поверил увиденному. И опять выпил зелья, заплатив куском своей жизни.

И увидел, что в пропасти находится магический кристалл, за обладание которым не жаль отдать все, что имеешь.

И опять пришел он к ведьме, потому что не знал дороги к кристаллу. И снова выпил зелья, заплатив куском своей жизни.

И увидел, что в пропасти есть только ужас и смерть.

И в четвертый раз пошел он к ведьме – чтобы понять все же, что там, в пропасти. И выпил зелья, заплатив куском своей жизни.

И на этот раз увидел он пропасть с высоты – там был-таки магический кристалл, и путь к нему лежал через ужас и смерть.

И собрался человек придти к ведьме в последний, пятый раз, чтобы испросить карту, как идти к кристаллу. Но понял, что оставшейся жизни не хватит на оплату зелья.

Пятый раз был бы последним.

И решил он пойти к пропасти, снарядившись по первому классу: нанять команду спасателей, арендовать вертолет, обвешаться альпинистским снаряжением. И понял вдруг, что оставшейся жизни не хватит даже на это.

Единственно, на что ее хватит – подойти к пропасти и броситься вниз прямо так. И он подошел к пропасти и прыгнул вниз.

И попал на невидимый свержу уступ, который находился на метр ниже. В стене зияло отверстие, в которое, змеясь, уходила тропа. А сверху, буквально в нескольких метрах от него, на ниточке балансировал кто-то, явно о чем-то задумавшись.

Человек посмотрел на него и понял, что ничем, ну, ничем не может ему помочь, как бы ни хотел. Он повернулся и вошел в отверстие.

Вариант 2

Молодой Человек, размышлявший в нерешительности над Пропастью, был учеником волшебника. «Чтобы узнать тайну Пропасти, нужно увидеть ее с высоты», – думал он. Два-три заклинания... и тонкая нить завибрировала, задрожала и превратилась в Белого Дракона. А наш герой оказался сидящим у него на спине.

Дракон взмыл в воздух.

Но люди этого не видели; они почувствовали лишь, что веревка выскользнула у них из рук. Раздался вздох сожаления, но не более. Свободные теперь, они стали расходиться по домам.

И только одна девушка не могла уйти. Не вытирая слез, Она безуспешно всматривалась в Пропасть. Искала пропавшего Человека.

А Он, счастливый, кружил в небе на Белом Драконе. Пропасть с высоты казалась мелкой высохшей лужей, не стоящей внимания.

Тут он увидел плачущую девушку. «Только она одна всерьез принимала Пропасть и меня, шедшего над ней по ниточке», – понял он.

Внезапно Он ощутил, что кто-то трясет его за плечо. Это Учитель будил задремавшего ученика.

«Где Она?» – спросил молодой ученик. «Ты знаешь, где искать. Белый Дракон ждет...» – услышал он в ответ.

Вариант 3

Пропасть манила, притягивала его. Прыгни – и ты свободен. Свободен от старых отношений, старых конфликтов, обид и неудач. Как хотелось ему отдаться во власть полета в Неизведанное! «Да, – думал он, медленно и неуверенно делая первый шаг, – именно там меня ждет Новое Бытие. Там моя Дверь в будущее...»

Человек не заметил и сам, как дошел до другого края пропасти. Но решение в нем созрело.

И тут он шагнул в воздух, минуя тонкую нить опоры. Взмахнул руками... уже падая. Человек вдруг понял: «Все кончено. Эта дорога ведет в Никуда. Он не выдержал испытания, и уже никогда не исправить ему ничего».

Но тут руки, удерживающие веревку, подхватили его. Несколько мучительно трудных мгновений... и он, тяжело дыша, лежит на каменистом склоне.

Рядом с ним – счастливые усталые люди. А впереди – распахнутая настежь дверь, откуда ослепительно сияет солнце и доносится радостный смех.

Вариант 4

Человек решился. Бросил прощальный взгляд в бездонное голубое небо над головой, взмахнул руками и... прыгнул.

Он падал в Бесконечность. Страх обжигал горло, сжимал в комок тело. Но мощные воздушные струи приняли его, развернули руки. Человек Птицей парил, медленно опускаясь вниз.

Вода внезапно появилась у самых глаз. Мгновенье, и гладкое серебристое тело Рыбы скользнуло в глубину.

Путь все не кончался, и не было дна.

Фонтан брызг взметнулся, вынося на себе хватающую жабрами воздух Рыбу. Здесь небо было бархатно-черным. Лишь мириады звезд мерцали в темноте.

Стремительный полет продолжал уже сверкающий Метеор. Пылинка и звезда. Песчинка во вселенских Песочных Часах. Вместе с миллионами себе подобных, она падала вниз.

Тут Часы снова перевернули. И он стал Камнепадом, что грохочет, перекатываясь, по глухим склонам. И Водой, что, ворча, вскипая пеной, обрушивается вниз с вершин. И Радугой сияла радость над ним.

Вдруг он почувствовал, что движение закончилось. Появился ответ.

Его глаза смотрели вверх, в глубокое синее небо. Вскинутые к небу руки окаменели от напряжения. Они крепко сжимали тонкую нить, по которой робко и неуверенно ступал Человек.

Вариант 5

Человек стоял над пропастью. Он неожиданно дошел до доски, достаточно прочной, чтобы удерживать его.

На той стороне пропасти, откуда, он пришел, стоял дом. Большой просторный каменный дом. Он там жил. Он поселился у самой пропасти, потому что она всегда манила его. Он делал игрушки из дерева и ткани: твердые, надежные – кораблики, машины, самолеты, и мягкие – беззащитные, теплые. Иногда он делал зверей, которых выдумывал сам, или изобретал неведомые раньше «велосипеды».

У нашего героя не было ни жены, ни детей. Виной этому была пропасть. Некоторые женщины, подойдя к ней, в ужасе убегали, другие – прыгали вниз, а с теми, кто соглашался жить у края долго, было скучно.

На другой стороне пропасти стоял поселок. Не рядом, но недалеко – примерно в двух часах ходьбы. Раньше человек жил там, в нем он родился, и сейчас иногда навещал друзей. Жителей поселка к пропасти не тянуло. Одни просто не понимали, как это пропасть может притягивать, другие же (в том числе несколько близких друзей Человека) говорили, что бывают там иначе. Они искренне думали, что Человек нашел какой-то свой способ бывать в том, что они называли пропастью, и для этого выстроил себе дом в столь странном месте. А он только смотрел на нее, иногда различая во мгле какие-то странные силуэты.

Прошло много лет. Он стал стар, и все чаще думал о пропасти, неизбежной для всех. И все с большей теплотой – о своей пропасти. Иногда он даже поглаживал ее края. Он чувствовал ее приближающееся одиночество.

И однажды он пришел на свою середину доски, чтобы прыгнуть, потому что иначе пропасть начинала казаться ему похожей на ненаписанную песню или нерожденного ребенка (если верить в то, что души нерожденных детей где-то существуют).

Он стоял и прощался. С домом, от которого он уже давно не отделял себя; с поселком, в котором вырос; с людьми, которых любил; с собой, потому что его, жившего в этом доме, больше не будет.

Он стоял и не мог прыгнуть. И повернул назад. И заплакал от бессилия и ненависти к себе. И снова повернул к пропасти, и в исступлении, с силой, которую дает только самое беспросветное отчаяние, – прыгнул.

Там было темно, местами по сторонам свет, какие-то тени. Там не было смерти – и была. Его тело распадалось и складывалось заново. Он ощущал растерянность, боль и счастье. Предметы вокруг меняли цвета, формы и плотность. Что было дальше – не знаю.

Я не прыгала. Я только заглядывала туда.

Вариант б

Сзади было страшно. Там, на выжженной солнцем потрескавшейся земле, толпились небольшие розовые призраки. Они двигались и могли схватить... И поэтому Человек понял – вперед! Туда, где услужливые руки натянули нить между двумя каменными уступами над пропастью.

Сначала бежать по нити было легко и бездумно – ведь призраки остались позади и не могли последовать за ним.

А потом включилось Все, и он увидел желтый, уходящий в темноту, туман внизу, прозрачно-синее небо над головой, качающаяся, ненадежная нить под ногами, ноги в старых, домашних тапочках...

На мгновение стало безумно жалко себя – я, теплый, живой, – что я делаю тут, за что?

Потом остались только удары сердца; воздух, входящий и выходящий из легких; ноги, старающиеся срастись с нитью – единственно реальным местом в мире.

Там, на той стороне, не было безопасности и освобождения. На миг он остановился, и с ужасом и любопытством посмотрел вниз. И вдруг стал стремительно опускаться вглубь – в свое красное, трепещущее сердце, сведенный судорогами темный живот и ниже, ниже – туда, где не думалось никогда ни о чем.

Прохладный туман обволакивал прозрачные существа, которые летели в никуда и никого не боялись. Он чувствовал, что тут, в безумном легком движении, ему захочется остаться навсегда. И какая-то неясная тревога не давала парить и неудержимо потянула вверх.

Его ноги снова оказались стоящими на нити; но ступням уже легко, а руки впереди ожили и напряглись – напряглась каждая вена на них. Это люди, держащие нить, напряглись в ожидании – так им хотелось, чтобы он дошел. И человек знал, что там, впереди, самое Главное. И он шел, нет, летел вперед, и плакал от счастья, потому что понял Главное.

А потом проснулся и продолжал плакать от ощущения счастья, а потом от невыразимой печали – ведь он забыл и не мог вспомнить свое Самое Главное.

Вариант 7

И словно в такт его мыслям нить покачнулась, и он еле-еле удержался.

«Да, действительно...», – промелькнуло у него в голове, и он собрался было прыгнуть, но передумал.

Если его хотят обмануть, то есть два варианта. То ли они хотят, чтобы он прыгнул, и для этого отпускают нить, а на самом деле необходимо дойти. То ли, чтобы он дошел, – а на самом деле надо прыгнуть. И есть третий вариант – его не обманывают, а испытывают – и потому отпускают веревку.

Если его хотят обмануть, то необходимо разгадать знаки их обмана – руки и покачивание нити.

Первый знак: руки, держащие веревку, могли только звать к себе. Они как бы вытягивали человека из пропасти. Трудно себе представить, что человека сначала спасают, протягивая веревку, а потом отпускают. Значит, это знак помощи. Покачивание веревки – знак проверки, сможет

ли удержаться, в крайнем случае, сам.
Он пошел вперед.